

Ю. В. Лобанова¹ПРОБЛЕМА ВИДОВОГО СВОЕОБРАЗИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Культура Санкт-Петербурга, как и любого другого города, может быть рассмотрена как минимум на трех взаимосвязанных уровнях — видовом, типическом и индивидуальном. Очень часто при осмыслении конкретной городской среды в расчет берется только последний уровень. Тем самым исследователи идут как бы на поводу у города, у заложенной в нем потребности находиться в центре, любым образом выделиться из ряда себе подобных. Взятый вне контекста, город действительно может казаться уникальным во всех своих проявлениях — и в способах адаптации к природным условиям, и в принципах пространственно-пластической организации, и в характере осуществления заложенных в нем функций. На этом эмпирическом уровне взаимодействия «факторов своеобразия» (среды которых нет ни одного не подверженного историческим изменениям) достигается ситуация, отраженная в известной поговорке «что город, то нор».

Вместе с тем очевидно, что *индивидуальное* своеобразие городской среды также обладает чертами относительности, безусловности и может быть наиболее ярко раскрыто в сопоставлении с городами: 1) занимаемыми приблизительно то же место в сложившейся иерархии городов; 2) связанными с данной средой отношениями типического своеобразия. Отсюда, с одной стороны, непреходящая, несмотря на разницу в «удельном весе» этих городов (столь отчетливо обнажившаяся в реалиях 1990-х гг.), неизбежность смысловой пары «Москва—Санкт-Петербург», а с другой — нечасто встречающиеся попытки соотнести культуру Петербурга, к примеру, с городскими культурами Запада и Востока, Севера и Юга, Античности и Нового времени, увидеть в ней одно из воплощений «русскости» и «российскости» (идея города как выразителя национальной культуры).

Типическое своеобразие впервые обнаруживается в тот момент, когда складывается упомянутая выше иерархия: возникает деление городов на малые и большие, столичные и провинциальные. По мере их дифференциации, углубления процессов разделения труда между ними типическое своеобразие также принимает более отчетливые формы — один город утверждается в значении университетского центра, другой — промышленного, третий — религиозного и т. д. Любопытно, что эпитеты, которые город стремится закрепить за собой (для Петербурга таковыми являются, к примеру, «северная столица» и «культурная столица»), указывают и на его уникальность в рамках конкретного

¹ Доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), кандидат культурологии. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч.: «Концепты Санкт-Петербурга в современной архитектуре», «О культурном пространстве Кольского Севера: культурные ландшафты», «Типология городов Кольского Севера: подходы и методы», «Культурология города: типологический аспект», «Будущее исторического города», разделы «Культура Древнего мира», «Культура классического нового времени», учебника «Культурология» и др.

урбанизированного пространства, и, одновременно, — на принадлежность к определенной, отнюдь не малочисленной «группировке», представляющей городские культуры многих стран.

Деление городов на типы позволяет, таким образом, осмыслить город в контексте. Существуют интереснейшие закономерности, касающиеся принципов формирования и исторического существования «родственных» городов, и их необходимо учитывать в проектной деятельности. Это отмечал и В. Л. Глазычев: «Когда в игру включается представление о месте того или иного города в стратегии территориального развития, когда затем начинается сценарная разработка вариантов развития города, вопрос о его доминирующих функциях становится определяющим. Иначе и не может быть, так как до сих пор никто не смог предложить другой способ определения ведущего вектора городского развития»². Разумеется, при использовании функционального подхода важно помнить, что в большинстве случаев город, в особенности крупный, оказывается принадлежащим сразу к нескольким типам; а так как полифункциональность заложена в самой природе города, то картина связей между городами по принципу типического родства представляется подвижной и потенциально не ограниченной.

Типический уровень очень важен. Он дает возможность (столь редко реализуемую на практике) рассмотреть город всесторонне, а главное, как отмечалось, — через призму разнообразных, разнородных связей раскрыть уникальные качества конкретной городской среды. Можно сказать, что проблема соотношения индивидуального и типического является одной из магистральных в разговоре о городе, его историческом значении и путях развития. Так, М. С. Каган отмечал, что «в каждой стране есть поселения рядовые, ничем не проявившие себя в духовной жизни народа и поэтому трудно отличимые друг от друга, но есть и города уникальные, с особой историей, судьбой, вкладом в национальную и мировую культуру — скажем, Карфаген и Иерусалим, Афины и Спарта, Рим и Венеция, Париж и Марсель, Киев и Новгород, Москва и Петербург»³. Близким по смыслу предстает высказывание В. Л. Глазычева по поводу городов-центров, которые «исторически приобрели столь индивидуальный характер, что от концентрации внимания на них, как именно на типе, не слишком много толку»⁴. Вряд ли, впрочем, следует говорить о городах, ничем не проявивших себя, хотя бы их «идея» (каждый город возникает там и тогда, где и когда обнаруживается потребность в его существовании) была заимствована или имела частный (локальный) характер, так же как и преувеличивать степень независимости выдающегося города от неких стандартов, которые вырабатывает городская среда, находя

² Глазычев В. Л. Урбанистика. М., 2008. С. 37.

³ Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2006. С. 19.

⁴ Глазычев В. Л. Указ. соч. С. 37, 34.

конкретные формы воплощения, адаптируясь к природной и социокультурной данности.

Культура Санкт-Петербурга непредставима без рефлексии, без отстраненного, рационального взгляда на себя, свое место в системе городских культур России, Европы, мира. Северная столица — один из тех городов, которые не только не рискуют «раствориться» на уровне типического своеобразия, но различимы также на еще более высоком, так называемом *видовом* уровне, позволяющем выявить качества, демонстрируемые городом в противостоянии природе и деревне. Данный уровень, возможно, не имеет столь выраженного прикладного значения, однако позволяет отказаться от некоторых устойчивых мифологем, в значительной степени повлиявших на содержание петербургского текста русской литературы.

Например, можно предположить, что вне зависимости от конкретного историко-культурного наполнения город в сопоставлении с природой будет демонстрировать такие качества, как *искусственность* и *упорядоченность*. При всей неоднозначности подобной трактовки логика здесь прозрачна — полноценно противостоять природной среде может только среда, противоположная ей по характеристикам. Следовательно, о какой бы эпохе ни шла речь, город всегда будет квинтэссенцией культуры, и «умышленный» Санкт-Петербург в этом отношении отнюдь не является чем-то необычным. Примечательны приемы, с помощью которых город запечатлевает свою рукотворность в художественных текстах, делая, в том числе, акцент на рукотворности самого материала, из которого формируется предметная оболочка. К примеру, в ряду «общих мест» в литературе урбанизма следует выделить представление о современном городе как изделии из «стекла и бетона»; «в мрамор, в гипс, и в сталь, и в коготь, и в мазут» одет, согласно Э. Верхарну, «город-спрут» («Исход»); «Стальной, кирпичный и стеклянный», с железными жилами, с дворцами из золота и хрустальными залами внутри последних — город у В. Я. Брюсова («Городу. Дифирамб»). Этой же особенностью города, по-видимому, навеяно сравнение его с «толчеей фарфора и битого хрусталя» (И. А. Бродский. «Венецианские строфы», II).

Характерно, что подобное восприятие городской среды иногда переносится и на природную составляющую материального каркаса города (например, пространственное уподобление вод стеклу: «вод веселое стекло» (А. С. Пушкин. «Евгений Онегин», глава I, строфа XLVIII) или «воды, застывшие стеклом» в стихотворении Н. С. Гумилева «Венеция»; показателен в этом отношении «оловянный закат», брошенный вечностью в город (стихотворение А. А. Блока «Вечность бросила в город...») или сверкающее, как эмаль, море, являющееся частью города (Н. С. Гумилев. «Неаполь»).

Антиномичность упорядоченности города и стихийности природы пронизывает тексты урбанистической направленности уже в период древности. К примеру, разнесшийся слух о предполагаемом строительстве города птиц (Тучекукуевска) вызывает появление землемера с измерительными приборами, движимого

желанием «отмерить каждому / полоску воздуха», сразу же предлагается план города:

Затем прямую, тоже по линейке,
Я проведу, чтоб круг квадратом сделался.
Здесь, в центре, будет рынок. К рынку улицы
Пройдут прямые. Так лучи расходятся,
Сверкая, от звезды. Звезда округлая,
Лучи прямые, —

на что следует реплика:

«Ты Фалес поистине!»
(Аристофан. «Птицы», 1003–1008;
пер. С. В. Шервинского)

Примеры подобного прочтения города как системы с четко прочитываемой структурой запечатлены во многих художественных текстах разных эпох (в том числе Средневековья), часто с использованием приема гиперболизации. В этой связи мысли сенатора А. А. Аблеухова, связанные с восприятием петербургского пространства (Андрей Белый. «Петербург»), как и парадоксальный, на первый взгляд, вывод «За Петербургом же — ничего нет» не представляются чем-то исключительным, что заставляет по-новому оценить как меру регулярности Санкт-Петербурга, так и настойчивые попытки противопоставления «неорганичному» городу на Неве, вызванному к жизни некоей насильственной волей в соответствии с предумышленной схемой, планом, правилом¹, «органичной» Москвы.

С такой же определенностью Петербург разделяет со всеми городами качества (по-разному преломляемые на типическом и индивидуальном уровнях), противопоставляющие город «негороду» (деревне). К числу этих качеств может быть отнесена *обособленность/относительная замкнутость* и в то же время *притягательность*. В иконографии любого крупного города нетрудно обнаружить образ «чужака», провинциала, стремящегося покорить город, утвердиться в нем (и Александр Адуев, выведенный И. А. Гончаровым в романе «Обыкновенная история», — лишь один из многих в этой категории, наряду, например, с Растиньяком).

Особенно интересен мотив противопоставления «святой» деревни городу как источнику греховности, проклятому месту, которое в отечественной традиции устойчиво ассоциируется с Петербургом. В действительности мотив этот, существующий во множестве вариаций, проходит через всю литературу урбанизма. Он очевиден, к примеру, и в предании о Содоме и Гоморре, и в «Божественной комедии» Данте, и в сюжете изгнания бесов из Арещо (фреска Джотто); город как ад выведен в очерке М. Горького «Город Желтого Дьявола»; без обиняков называет адом Париж О. Бальзак («Золотоокая девушка») и т. д. Взгляд на основание города как на акт, по своей значимости близкий сотворению мира; утверждение (часто проявляющееся в фактах преодоления, покорения «естественной природы») demiургической роли человека в ущерб роли Создателя, несомненно, можно считать предпосылками для возникновения эсхатологического мотива, многократно повторенного отнюдь не только на петербургских страницах текстов урбанизма.

¹ Например: *Топоров В. Н.* Петербург и петербургский текст русской литературы // Семиотика города и городской культуры. Петербург: Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. С. 11.

Очевидно, что в отличие от черт типического своеобразия, рассмотренных Н. П. Анциферовым, перечень черт видового своеобразия среды города не может быть продолжен «до бесконечности», а семантика порожденных ими художественных образов действительно будет общей для многих городов, создавая жизненно необходимую основу для проявления типического и индивидуального своеобразия. Какую бы роль ни играли Рим, Лондон, Париж, Санкт-Петербург в мировой истории и истории своих стран — они играли ее в соответствии с возможностями, которые обрела культура, отлившись в городскую форму. Благодаря непрерывному воздействию факторов видового своеобразия, конкретный город не утрачивает своей специфически-средовой сущности и тогда, когда под грузом семантических наслоений начинает восприниматься как своего рода символ, идея, абсолютный дух.

Анализ текстов, тематически связанных с городом, показывает, что на протяжении столетий в большинстве из них ключевое значение придавалось именно видовым и типическим качествам (отмеченная В. Л. Глазычевым индивидуализация городов — явление сравнительно позднего времени), через ко-

торые город утверждал свою особость. В современных условиях значение этих качеств возрастает, что, несомненно, свидетельствует о потребности городов в диалоге, консолидации перед лицом общих проблем. Изменение конфигурации сложившихся городских систем, поиск «городской идентичности» в ситуации перехода к постиндустриальному обществу, одновременное обозначение дезурбанизационных процессов — вот лишь некоторые симптомы, заставляющие оценивать современный этап, переживаемый городской культурой России как кризисный. Неудивительно, что сегодня взаимодействие между городами во многом строится по горизонтали — как малые, так и средние и крупные города стремятся быть вписанными во множество культурных контекстов. Так, не утрачивает своего значения институт побратимства, как правило, связывающий города, родственные своим статусом и исторической ролью; рождаются новые сообщества (яркий пример — проведение конгрессов петровских городов). Подобное сотрудничество является взаимовыгодным, содействующим развитию не только отдельных городов, но и городской культуры в целом.